

Толстая Софья Андреевна

**Дневники Софьи Андреевны
Толстой, 1897-1909**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Т52

Т52   **Толстая Софья Андреевна**
Дневники Софьи Андреевны Толстой, 1897-1909 / Толстая Софья Андреевна –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 323 с.

ISBN 978-5-458-24828-0

Редакция и предисловие С.Л. Толстого, примечания С.Л. Толстого и Г.А. Волкова.

Эта книга - большой подарок всем любителям мемуарной литературы. Читать ее интересно и легко. Сын Л.Н.Толстого в предисловии к этой книге пишет: "То, что в других семьях обыкновенно бывает сокрыто от посторонних глаз, - тот сор, который не выметается из избы, - все это в семье знаменитого писателя Льва Толстого не только стало известно посторонним, но и многократно обсуждалось в печати с самых различных точек зрения. Я говорю о взаимных отношениях моих отца и матери. Дом Толстых был как бы стеклянный: чуть ли не каждый желающий мог видеть, что в нем происходило. О моей матери писали многие, большей частью осуждая ее ..."

ISBN 978-5-458-24828-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«Записи прошлого» ставят себе целью ознакомить широкие круги читателей с литературой мемуаров, дневников и писем, преимущественно неизданных, представляющих историко-бытовой интерес.

Среди исторических материалов мемуары, дневники и письма занимают особое место. Чрезвычайно ценные для установления фактов и для истории быта, они по самому характеру своему, являясь отражением субъективных впечатлений, редко бывают вполне беспристрастны в своих суждениях и отзывах: люди и события изображаются в них сквозь призму собственного мировоззрения автора, принадлежащего к далекой от нас эпохе, отрезанной от современности годами революции. Этого рода литература не есть фотография, а лишь отголосок прошлого, нуждающийся в критической проверке со стороны историка, но сам по себе интересный для характеристики времени и общества.

Поэтому, возобновляя выпуск библиотеки мемуаров, дневников и писем, редакция считает нужным предупредить читателей, что издаваемые документы требуют к себе критического подхода. При этом условии эти произведения, дышащие непосредственностью и жизненностью, могут дать яркую картину отошедшей в прошлое культуры с ее мировоззрением, правами и бытом.

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, что в других семьях обыкновенно бывает сокрыто от посторонних глаз,— тот сор, который не выметается из избы,— все это в семье знаменитого писателя Льва Толстого не только стало известно посторонним, но и многократно обсуждалось в печати с самых различных точек зрения. Я говорю о взаимных отношениях моих отца и матери. Дом Толстых был как бы стеклянный: чуть ли не всякий желающий мог видеть, что в нем происходило.

О моей матери писали многие, большей частью осуждая ее, в чем особенно повинны В. Г. Чертков («Уход Толстого») и А. Б. Гольденвейзер («Вблизи Толстого»). Да будет услышан и ее голос. Вот почему я считаю необходимым опубликование ее дневников, несмотря на то, что она в них не всегда правдива и беспристрастна, и что в них отразилось болезненное состояние последних лет ее жизни. По этой же причине в нижеследующих строках я, стараясь стоять на объективной точке зрения, позволяю себе писать о таких сторонах жизни своей матери, о которых не принято говорить сыну.

Как заметил М. А. Цявловский в своем предисловии ко второму тому «Дневников С. А. Толстой», «многое объясняется ее нервным расстройством, признаки которого увидит в ее дневнике и не специалист». Мнения врачей не вполне согласны по вопросу о том, какой именно болезнью страдала моя мать,— была ли это истерия, неврастения, психостения параноя или еще что-нибудь. А. Б. Гольденвейзер («Вблизи Толстого», II, стр. 145) приводит следующий диагноз доктора Россолимо, приглашенного в Ясную Поляну около 20 июля 1910 года: «Дегенеративная двойная конституция, паранойальная и истерическая, с преобладанием первой. В данный момент эпизодическое обострение».

1 ноября 1910 г., т. е. три дня спустя после отъезда моего отца из Ясной Поляны, когда моя мать была в отчаянии и отказалась от пищи, доктор психиатр Растегаев дал такой отзыв: «По просьбе Татьяны Львовны считаю своим долгом вы-

показать, что вообще неустойчивая нервно-психическая организация Софьи Андреевны, благодаря возрасту (66 лет) и последним событиям, представляет ряд болезненных явлений, которые требуют продолжительного и серьезного лечения... Каких-либо психо-патологических черт, указывающих на наличие душевного заболевания, ни из наблюдений, ни из бесед с С. А. я не заметил».

В. Спиридонов в примечаниях к «Автобиографии С. А. Толстой» (Начала, 1921, № 1, стр. 183) справедливо говорит, что С. А. параноией не страдала, что врачи (т. е. Россолимо) «ошибались в своем диагнозе, так как паранойя — неизлечимая болезнь и сравнительно скоро переходит из подготовительной стадии во вторую бредовую стадию, характеризующуюся разными проявлениями помешательства, чем С. А. не страдала. Напротив, ее душевное и физическое состояние значительно улучшилось в годы после смерти Л. Н. Но несомненно верен диагноз врачей относительно первой болезни — истерии».

Доктор Д. П. Маковицкий, постоянно живший в Ясной Поляне, также находил, что моя мать страдала расстройством нервов, а не душевной болезнью. То же подтвердят многие, знавшие ее. Вероятно доктор Россолимо был введен в заблуждение потому, что видел ее только один раз во время обострения ее болезни.

Как бы то ни было, нервная система моей матери во вторую половину ее жизни была расшатана, и с течением времени ее болезненное состояние обострялось все более и более. Причиной были: расхождение во взглядах с мужем, женские болезни и критический возраст женщины, смерть обожаемого меньшего сына Ванюшки (23 февраля 1895 года), тяжелая операция, которую она перенесла в 1906 году, и в 1910 году — заведение отца.

Она страдала некоторыми навязчивыми идеями, которые портили жизнь ей самой и окружающим ее. Такими идеями были: непреклонное убеждение, что ее муж должен получать деньги за свои писания и отдавать эти деньги семье, а не предоставлять издание своих сочинений всякому желающему; боязнь прослыть при жизни и после смерти Ксантиппой, женой, отравившей жизнь своему мужу; болезненное пристрастие к музыке и С. И. Таневу, и позднее — в 1910 году — болезненная ненависть к В. Г. Черткову.

Я далек от мысли утверждать, что убеждение матери в том, что отец должен был отдавать свой гонорар семье, было лишь следствием болезни. Матерям свойственно заботиться о материальных благах для своих детей, но у нее эта забота проявлялась в болезненных формах — в истерических сценах, угрозах самоубийством и т. п., и она не могла помириться с фактом

отказа ее мужа от своих авторских прав (на написанное им письмо 1881 года).

Боязнь показаться в невыгодном свете в глазах потомков выражалась в том, что она всячески старалась узнать, что о ней пишет ее муж, и требовала, чтобы он вычеркнул из своих дневников некоторые места, к ней относящиеся (что он отчасти и сделал). В письме от 12 окт. 1895 г. (см. запись 10 авг. 1903 г.) она его просила не писать о ней дурно в его дневнике; а в ее дневниках постоянно проглядывает желание оправдать себя в отношении к мужу даже тогда, когда оправдываться было и не в чем.

Отношения моей матери к музыке и С. И. Танееву особенно подчеркивают ее ненормальность. Она не была особенно музыкальна, и ее игра на фортепьяно не превышала обычного уровня любителей. Но музыка, особенно в конце девятых годов, играла крупную роль в ее жизни, успокоительно действуя на ее нервы и отвлекая от действительной жизни. А действие музыки, когда она слушала игру Танеева, она перенесла на него. В примечании 340 ко второй части «Дневников С. А. Толстой» приведена выписка из письма В. А. Жданова («Любовь в жизни Л. Толстого», 1928), где сказано, что отношения ее с Танеевым не были «теми отношениями, которые могли бы поставить вопрос о достоинстве замужней женщины». Но исключительное пристрастие женщины в возрасте между 50 и 60 годами к человеку, к ней довольно равнодушному, постоянное желание видиться с ним и слышать его игру, нельзя назвать ненормальностью. Она сама это сознавала. 10 марта 1903 г. она записала: «Меня охватывает злая таинственность моего внутреннего состояния, хочется плакать, хочется видеть того человека, который составляет теперь центральную точку моего безумия, постыдного, несвоевременного, но да же поднимается ничья рука на меня, потому что я мучительно страдаюсь».

Истеричность матери развивалась постепенно. До 1910 года отец и мы — ее дети — приписывали ее ненормальное состояние ее темпераменту или переходному периоду жизни женщины. Летом 1910 год открыл нам глаза. До этого года отец, как это видно из его писем и дневников, считал ее более или менее здоровой и, следовательно, вменяемой. Только иногда он как будто догадывался о ее ненормальности. Это видно по некоторым записям его дневника. Так он записал 6 февраля 1898 г. «С[оня] уехала в Петербург. Она все также неустойчива». 26 июня 1899 г. он записал «С[оня] уедет нынче к сыновьям. Она была тяжело больна и теперь еще слаба. Все продолжается критическое время. Часто очень нежно жалко ее. Так

было слышно, когда она прощалась». 14 мая 1898 г. он писал ей (см. «Л. Н. Толстой. Письма к жене», 1913): «Серёжа был у нас и все рассказал, и все у вас очень хорошо. Только твои бессонницы и трупный запах мучают меня». В то время моя мать жаловалась на галлюцинации трупного запаха.

Несмотря на неустойчивость первой системы, моя мать в девяностых и девяностых годах вела очень деятельный образ жизни. Это видно и по ее дневнику. Она заведывала хозяйством в Ясной Поляне, изданием сочинений Л. Н. Толстого и денежными делами своими и семейными; она принимала гостей и посетителей, много ездила к своим детям и знакомым, посещала вечера и концерты и кроме того находила еще время для занятий то музыкой, то фотографией, то шитьем.

События, происшедшие после 28 октября 1910 г. — смерть отца из Ясной Поляны, его болезнь, во время которой моя мать не могла с ним быть, и его смерть в Астанове — нанесли ей страшный удар. Она была глубоко несчастна и, хотя после смерти мужа ее навязчивые идеи потеряли свою остроту, ее первая система все же оставалась неуравновешенной. Знавшие ее в эту пору помнят ее жалобы на невралгические боли в разных частях тела, ее трясущуюся голову, ее бесконечные разговоры на одни и те же темы, ее жалобы на свою судьбу всем и каждому и ее безотрадное настроение.

Нервная болезнь матери отравляла жизнь ей самой и отцу. Но, разумеется, не болезнь была причиной разлада между моими родителями, тяжело переживаемого обоими ими. Отец страдал от того, что внешние условия его жизни противоречили его убеждениям, изменить же эти условия путем разрыва с семьей он не считал себя в праве. Многие осуждали его за это; такое свое положение он называл «юродством». В «Круге чтения» он приводит следующую мысль Марка Аврелия: «Выше всего то, когда тебя осуждают за доброе дело», и, далее: «Юродство невольное есть лучшая школа добра». А в автобиографической драме «Свет и во тьме светит»¹ Николай Иванович говорит: «Видно, не хочешь ты, чтобы я был твоим работником в этом твоём деле; хочешь, чтобы я был унижен, чтобы все могли на тебя пальцем указывать: говорят, но не делают. Ну, пускай! Ты лучше знаешь, что тебе нужно. Смирнение юродство. Да, если бы только возвыситься до него».

Однако, хотя отец считал «юрродство лучшей школой добра», оно тяжело ему давалось, что видно из его дневников.

На почве разлада между моими родителями постоянно возникал вопрос, где жить семье и самому Льву Николаевичу — в

¹ Издание 1919 г., стр. 79.

Москве или в Ясной Поляне. Его отношение к этому вопросу видно из следующего его письма к жене:

«26 ноября 1897.»¹

Я нынче получил твое письмо к Доре, из которого видно, что тебе тяжело и нехорошо. И это очень мне больно, главное потому, что я не могу помочь тебе. Твое рассуждение о том, что гораздо важнее и нужнее мне быть в Москве с тобой, чем то, что что-то такое будет написано немножко хуже или лучше,—поразительно своей несправедливостью. Во-первых, вопрос совсем не в том, что важнее, во-вторых, живу я здесь не потому, что будут немного лучше написаны какие-нибудь сочинения; в-третьих, присутствие мое в Москве, как ты очень хорошо знаешь, не может помешать ни Андриюше, ни Мише жить дурно, если они этого хотят. Никакой строжайший отец в мире не может помешать людям с выросшими бородами жить так, как они считают хорошим; в-четвертых, если бы даже вопрос стоял так, что важнее: написать то, что я пишу и что, я по крайней мере думаю и надеюсь (иначе бы я не работал), будет читаться миллионами, а на миллионы может иметь доброе влияние,—или жить в Москве без всякого дела, суетно, тревожно и нездорово, то и тогда всякий репит вопрос в пользу неезды в Москву.

Это не значит, что я не хочу приехать в Москву, не хочу сделать все, что могу, чтобы сделать твою жизнь более хорошей, или просто сам не желаю быть с тобой; напротив, я очень желаю этого; но это значит, что рассуждения твои очень несправедливы, так же как и рассуждения твои, которые ты почерпнула из чтения биографии Бетховена, что цель моей деятельности есть слава. Слава может быть целью юноши или очень пустого человека. Для человека же более серьезного и, главное, старого, цель деятельности не слава, а наилучшее употребление своих сил. Все мы призваны жить и действовать, как лошадь на конке. Будем ли мы ездить в спальном вагоне, копать руду, играть на фортепьяно — что-нибудь мы должны делать. Человек же неглупый и поживший — я считаю себя таким, — не может не видеть, что единственное благо, одобряемое совестью, есть делание той работы, которую я лучше всего умею делать и которую я считаю угодной богу, и полезной людям. Вот тот мотив, который руководит мною в моей работе, а про славу я уже давно спрашивал себя: «что, буду ли я точно так же работать, если никогда не узнаю — одобряют ли мою работу люди или нет?» и искренно отвечаю, что разумеется, что буду также

¹ Л. Толстой «Письмо к жене» Стр 537.

работать. Я не говорю, что я равнодушен к одобрению людей; одобрение мне приятно, но оно не есть причина, мотив моей деятельности. Пишу я это особенно для того, что я тебе бы, милая Соня, желал такой деятельности; такой деятельности, при которой ты бы знала, что это лучшее, что ты можешь делать, я делая которое, ты была бы спокойна и перед богом и перед людьми. У тебя была такая деятельность — воспитание детей, которое ты делала так самоотверженно и хорошо, и ты знаешь, это сознание исполненного долга, и потому знаешь, что к этой деятельности побуждала тебя никак не слава. Вот такой деятельности я желаю тебе, страстно желаю, молился бы, если бы верил, что молитва может сделать это. Какая это деятельность — я не знаю и не могу указать тебе, но деятельность есть, свойственная тебе, и важная, и достойная, такая, на которую положить всю жизнь, как есть такая деятельность для всякого человека, и деятельность эта для тебя никак уже не в игнорации на фортепиано и слушании концертов.

Как бы я хотел, милая Соня, чтобы ты приняла это письмо с той же любовью, бескорыстной, с полным забвением себя и с одним желанием блага тебе, которое я испытываю теперь».

Несмотря на то, что дневники последних лет жизни С. А. Толстой приходится признать дневниками истерической женщины, они не теряют своего значения как материал для биографии Л. Н. Толстого, не говоря уже об их интересе в бытовом отношении. Из них лучше, чем из других записей, видно, как тяжело отразилось на обоих моих родителях расхождение во взглядах, и что кажущееся противоречие между верой и образом жизни отца было вынуждено его семейной обстановкой. В спокойную минуту, уже в 1912 году, моя мать записала («Моя жизнь», предисловие к 1896 году): «К сожалению он все ждал от меня—бедный милый муж мой—того духовного единения, которое было почти невозможно при моей материальной жизни и заботах, от которых уйти было невозможно и некуда. Я не сумела бы разделять его духовную жизнь только на словах, а провести ее в жизнь, сломить ее, волоча за собой целую большую семью, было невысказано, да и непосильно».

Публикуемый третий выпуск дневника С. А. Толстой состоит из записей, начинающихся 23 ноября 1897 г. и кончающихся 14 января 1909 года. Собственно дневниками можно назвать лишь записи 1897—1903 годов. В 1904 году—только 4 записи, в 1905—одна, в 1906 и 1907 гг.—ни одной, в 1908 году—8 записей, в 1909—одна. Больше всего записей в 1898 году.

Книга печатается с немногими сокращениями. Выпущены, во-первых, записи интимного свойства, во-вторых, некоторые записи, могущие быть полезными для историков литературы и биографов Л. Н. Толстого, но утомительные для читателей. Это

записи о погоде, о здоровьях, приездах и отъездах родных и знакомых и т. д.

Настоящим третьим выпуском дневников С. А. Толстой заканчивается издание их. Остаются еще в рукописи: ее дневники 1910 года с 23 июня по 24 октября и так называемые «ежедневники». Кроме дневников (в тесном смысле этого слова) и иногда одновременно с ними С. А. Толстая делала многочисленные записи в календарях и календарных книжках — о погоде, хозяйстве, гостях, родных, знакомых и т. п. Эти записи она вела с 1893 года по 1918 и называла «ежедневниками», хотя она влилась далеко не ежедневно. В те дни, когда она не писала дневника, ежедневники заменяли ей дневник, и в них встречаются ценные записи о революции 1905 — 1907 гг. и мировой войне. В будущем предполагается издать дневник 1910 года и выборки из ежедневников, что составит четвертый и последний выпуск дневников С. А. Толстой.

С. Л. Толстой.

